

“*Slavica Tergestina*” 2, Edited by Mila Nortman, Laura Rossi, Ivan Verč, Trieste 1994. “*Slavica Tergestina*” 3, Edited by Mila Nortman, Ivan Verč, Trieste 1995.

В Триестском университете (Италия) вышли четыре (на сегодняшний день) альманаха “*Slavica Tergestina*”. В руках у меня три последних выпуска, из которых 4-й, целиком посвященный наследию Ю.М.Лотмана и содержащий материалы научной конференции в Бергамо по случаю первой годовщины его смерти, нуждается в особой оговоренности. Поэтому сосредоточим внимание на выпусках 2 и 3 (Триест 1994 и 1995), отредактированных Милей Нортман, Лаурой Росси и Иваном Верчем.

Необщее лицо новой итальянской серии по русистике (в подзаголовке “ST” 2: “*Studia russica*”, “ST” 3: “*Studia comparata et russica*”) - в программном привлечении к участию начинающих литературоведов, преимущественно из Будапешта. Вот содержание альманаха 2: *Об одной фонической секвенции в “Каменном госте” Пушкина* (Золтан Херманн, Будапешт): престиждитаторская демонстрация семантической игры Пушкинской секвенции “-вал/-лав” в испаноязычном контексте литературной темы Дон Жуана, с одной стороны, и в русском былинном контексте (мотивная параллель: “голова” - “статуя-камень”), - с другой; *К поэтике и семантике “Тамани” Лермонтова* (Жофия Силади, Будапешт): сплошная фономифоэтимологизация мотивной и ономапоэтической структуры текста (Печорин - “печь” - “печора-пещера” - “печорка-лодка” в свете оппозиций “огонь/вода”, “свой/чужой” и т.д. и т.п.); *Человек в футляре - футляр в человеке (Анализ рассказа А.П.Чехова)* (Лёринц Середаш, Будапешт): гуманизация “футлярности” на мифопоэтическом языке как переводе с русского (“миф, закодированный в русском языке”, с.51); *Библейские элементы в рассказе Ф.М.Достоевского “Кроткая” в свете Второго послания к Коринфянам* (Тюндэ Сабо, Будапешт): мотивно-предикативная парадигма “образ” - “пелена” - “идея-план-мечта” - “молчать-смотреть” и т.д. в функции метатекста и в очень сложной корреляции с временными планами произведения; *О смысле предметности у Анны Ахматовой. Анализ стихотворения “Вечером”* (Анна Меньхерт, Будапешт): Ахматовский код и Ахматовский мир в анализах и идеограммах; *К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века* (Лаура Росси): обстоятельный, очень добротный обзор русскоязычных работ советского периода, богатая эпистолярная иллюстрация; *Структурно-типологическое сравнение русской народной сказки с советской* (Анна Шеза, Триест): серьезно, очень компетентно на заглавную тему; *Об изображении рая в русских средневековых текстах* (Мартина Кафоль, Триест): четкая, хорошо обоснованная типологизация древнерусского национального рая (Сада и Града); *Древнерусская легенда о невидимом граде Китеже. История, успех, библиография* (Элена Бьяши Мотасова, Триест): монографическая статья, допол-

ненная не указанной в заглавии темой реализации легенды в русской литературе XIX и XX веков; *Некоторые аспекты изображения будущего в творчестве Достоевского в свете литературной традиции "Города" и "Сада"* (Иван Верч, Триест): и Рай, и Китеж в проекции в план дискурса с семантико-этическими сдвигами.

И содержание выпуска 3: *Поворот к интертекстуальности: развенчание или риторизация влияния* (Марко Юван, Любляна): очень инструктивно о категории "влияния" на стыке/сплаве компаративистики и интертекстологии; *"Каменный гость" и "Былина о смерти Василия Буслаевича". Повтор звукоочетаний и генеративный принцип стихотворного языка маленькой трагедии А.С.Пушкина* (Золтан Херманн, Будапешт): реконструкция законов поэтического языка в речи персонажей ("Так, мнемотехнические свойства поэзии свойственны Лауре-актрисе; рефлексивность и внутренние отношения самого языка появляются в каламбурах Лепорелло; генеративный принцип заключается в выражениях Дон Гуана, »импровизатора любовной песни«, 41); *Тайны Печорина (Семантическая структура образа героя в романе М.Ю.Лермонтова)* (Жофия Силади, Будапешт): еще раз о "Тамани", которой "исследователи романа занимались очень мало" (57); *На пути к самоописывающему тексту (Сигнальные символы в повести Н.В.Гоголя "Шинель")* (Чаба Тот, Будапешт): Потенция и Пирс, Лотман и Лосев как помощники в мучительной (на 50-ти страницах!) схватке автора с "Шинелью"; *Семантические параллелизмы в романах Ф.М.Достоевского "Вечный муж" и "Преступление и наказание"* (Каталин Кроо, Будапешт): трансформативная параллелизация-синонимизация мотивной структуры; *Основной миф в романе Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы"* (Геза Хорват, Будапешт): вопреки заглавному "основному мифу" - "зерно" и "земля": их сюжеты и семантические перекодировки как концепты четырех братьев; *Образ литературного героя в творчестве М.Булгакова как симптом эволюции в культуре* (Миха Яворник, Любляна): культура стыда и культура страха (Лотман) как критерии эволюции Булгаковских культурных персонажей; *Сопоставительная фонетика как основа прогнозирования типичных ошибок (На примере русской речи итальянцев)* (Татьяна Суцева, Падюя): лингвистика и глоттодидактика. В альманахе рецензируются: монография Арпада Ковача *Персональное повествование. Пушкин. Гоголь. Достоевский*, Frankfurt am Main 1994 (Ivan Verč, Trieste); Javornik M., *Evangelij Bulgakova. O ustvarjalnosti Mihaila Afanasjeviča Bulgakova*, Ljubljana 1994 (Ivan Verč, Trieste); Fici Giusti F., *Il passivo nelle lingue slave. Tipologia e semantica*, Milano 1994 (Luciano Rocchi, Trieste).

После так компактного обзора содержания - некоторые соображения методологического характера. Участие в представляемых альманахах ученой молодежи из Будапешта имплицитно методологический бинаризм авторского состава: "младшие"/"старшие". Уже самого беглого взгляда (вз оглавление) достаточно, чтобы

констатировать тяготение “старших” к типологическим упорядоченностям, частично позитивистского толка, если иметь в виду такие категории как влияние, эволюция, биографизм, социум и т.п., но весьма при этом осовремененным более пристальным вниманием к структуре текста, синтагматике, слову, и обращенностью к культурологическим контекстам.

Если “старшие”, оперируя с жанром, персонажем, мотивом-топосом, ориентируются на исследование большого текстового материала в синхронном и диахронном планах, то “младшие” ограничивают поле зрения до одного произведения-текста, его уровневой, преимущественно мотивной, структуры, опираясь на принцип бинаризма, парадигматизма, трансформативизма и увязывая культурологические контексты с языковыми (мифоэтимологизм). Так, исследовательские результаты “старших” подкрепляются количественной убедительностью материала, “младшие” же “берут” заявленной новизной аналитических установок.

Да простится мне условными “старшими”, что более пристальное внимание сосредоточу на “младших” в силу их взращенности будапештской “школой дискурса”, возглавляемой ученым средних лет, Арпадом Ковачем, о феномене которой речь пойдет далее. Сейчас же, учитывая контекст этой “школы”, выхвачу из оглавления “ST” 3 ключевое для ее дискурсивно-метатекстовой установки заглавие: *На пути к самоописывающему тексту. Сигнальные символы в повести Н.В.Гоголя “Шинель”* (работа Чабы Тота).

“Самоописывающий текст” - текст-субъект, текст о тексте, метатекст? Попытка рецензентской экспликации подводит к соотношению терминов Юлии Кристевой: “генотекст”/“фенотекст”. Молодой исследователь, предпринимающий несколько подступов к определению понятия “сигнальные символы”, обращается, однако, к другим теоретическим контекстам, головокружительно скрещивая, как уже отмечалось, концепцию знака у Потебни, Пирса, Лотмана и Лосева (в силу чего работа весьма неудобочитаема). Так, “сигнальные символы” в анализе Тота - это знаки-индексы дискурса-повествования, денотатно отсылающие к сюжетике-композиции, причем эта отсылка является по существу управлением: “сигнальные символы” управляют сюжетом произведения. К таким символам причисляется здесь, примера ради, “нюхание табака” (чаще всего “будочником”) в Гоголевских контекстах. Чаба Тот проводит ряд аналитических операций, демонстрирующих и моменты упомянутых сюжетных поворотов - под влиянием-управлением “сигнального символа”, и, сопровождающее их, существенное смысловое наращение.

Так же интересно, хотя и аналогично неудобочитаемо (форма изложения в работах “младших”, в отличие от четкой и ясной у “старших”, страдает излишней аспектуально-уровневой всеядностью, и отсутствием аналитических ограничителей и контрольных механизмов), показано функционирование этой метадискурсивной или метасюжетной работы художественного текста на примере *Кроткой* Достоев-

ского в анализе Тюдэ Сабо (“ST” 2). Эта текстовая удвоенность прочитывается исследователем посредством перекодировки в мотивную структуру: “пелена”, “загадка”, “образ” скрывает/приоткрывает “план-завет”, “икону”. Заключение же Сабо о том, что “образ” - “это не только центральный поэтический элемент внутренней структуры рассказа *Кроткая*, но вместе с тем и компонент ее надструктуры, при помощи которого Достоевский говорит о своем искусстве повествования, о генезисе и функции художественного произведения” (68) выявляет и целевую установку исследования.

В других работах молодых будапештцев данный метадискурсивный аспект несколько замутнен сплошной парадигматизацией мотивно-семантической структуры текста, когда в мотивную парадигму попадают и неполнозначные языковые элементы (“несмотря на”). Такая аналитическая раскрепощенность приводит иногда к довольно курьезным заключениям типа:

“После этого он восходит по лестнице (лестница всегда несет мифологическую функцию - связать разные уровни мира) и, когда входит в комнату, появляется основной атрибут героини: “робость”. Пол комнаты описан как река, что тоже можно интерпретировать как христианский символ. С другой стороны, “пол” переводит нас во вторую часть трансформации, начальная точка которой - это стоящие на полу ноги, а конечная ее точка - мольба” (2: 63).

Методологические издержки, подчас беспомощность и бесконтрольность (метода), проявляющаяся также, в частности, в чересчур произвольном мифологизме (см. хотя бы параллели: Коваленко - Бог-коваль и Варенька - Афродита в 2: 45-47), и этимологизме (проекция атрибутивной парадигмы этимонов имени Печорина на всю персонажную систему произведения в 2: 22-24), пропуски концептуализующих звеньев (как в приводимом выше примере, где “лестница” всегда (когда? - А.М.) несет мифологическую функцию), безграничное доверие, наконец, к методу как гаранту бесконечных открытий, - все это ставит серьезные задачи не только перед молодыми авторами, но и их учителями. Огромный творческий заряд, полученный, одновременно, от этих же учителей, вселяет надежду на то, что сигнализируемые недоработки и издержки будут впредь осмыслены и устранены.

Как отмечалось выше, тон этого молодого и задорного литературоведения задан молодым духом Арпада Ковача и его сподвижников, в первую очередь Иштвана Нодя и Дюлы Кирая, сумевших создать в Будапеште исследовательски-экспериментальную среду для русистов-литературоведов. Эта среда создана прежде всего циклом Международных Пушкинских/Пушкинологических Коллоквиумов, организуемых с 1987 года с интервалом в два года Кафедрой русской филологии Будапештского университета им. Лоранда Этвеша совместно с Коллегиумом им. Йожефа Этвеша. Начиная со Второго, в 1989 году, Будапештский Коллоквиум (организаторы особо настаивают на данном конференционном жанре, отмежевываясь от монологических и законченных “чтений”) получил расширительно-диалогическую формулу - *Пуш-*

кин и XX век (второй член подчинялся при этом знаменательным юбилеям Пастернака, Цветаевой, Михаила Булгакова). “Такая установка - писал Арпад Ковач в предисловии к сборнику материалов Первого Пушкинского Коллоквиума¹ - оказывается плодотворной в силу того, что может обеспечить регулярную возможность для встреч исследователей двух литературных и культурных парадигм, обещающих взаимное обогащение и двустороннюю самопроверку в зеркале долговечной литературной памяти”. Такая именно установка была ярко выражена в теме выступления на Первом Коллоквиуме Ежи Фарино, получившим в Будапеште огромную признательность и популярность и ставшим авторитетнейшим научным наставником тамошней молодежи, - *Как Пророк Пушкина сделался Лицедеем Хлебникова* (ср. его же на Втором Коллоквиуме: *Как Ленский обернулся Соловьем Разбойником (Археопозитика “Доктора Живаго”. 3.)*²).

Так венгерские инициаторы Коллоквиумов получили поддержку со стороны международных авторитетов (назовем еще Игоря П. Смирнова и Вольфа Шмида), как и всех, кому близок поиск разных форм проявления в художественном произведении категории литературности. Но в центре, фокусирующем методологические установки Коллоквиумов, всегда стояла программа их *spiritus movens* Арпада Ковача, направленная на проблемы жанрового смыслообразования, дискурса в процессе дискурсивации и т.п., восходящая, с одной стороны, к теории Александра Потебни, с другой - отвечающая постструктуралистским установкам на языковую и текстовую субъектность. Дабы, однако, избежать абстрактных характеристик, - извлечение из выступления-статьи Ковача на Первом Коллоквиуме *“Цыганы” Пушкина (1. О поэмогенном смыслообразовании)*: обращенная к любовнику-цыгану реплика Земфиры *“ПОРА ...ПОРА”* услышана Алеко, который и претворяет ее в сюжетное событие: *“ПОРАжает ее (Земфиру - А.М.)”*. Ковач заключает:

“Реплика отображенного диалога, слово Земфиры, обращенное к цыгану и выражающее известную уже “поспешность”, открепляется от носителя посредством ощущения Алеко, актом его слуха; и, ради обнажения признака действия, скрывающегося за этим словом, повторяется в самом предметном мире: роль героя трансформировать предикативный признак слова в событие. Манифестируется она в единстве звукового воплощения различных планов текста, - как выражения, так и содержания”. И в другом месте - Трансформация эпитета в предикат, а предиката - в сюжетный факт, сопровождается менами планов выражения: рассказчик - героиня - автор. Или: мир - текст о мире - метатекст: РЕЗвая — РЕЖЬ меня — ПОРАЖает ее”³.

Вполне закономерно поэтому Пятый Международный Коллоквиум в Будапеште, состоявшийся в сентябре 1996 года, посвящен был *Субъекту дискурса*. В его программе, если ограничимся только самыми репрезентативными для представляе-

мой “школы” или к ней примыкающими докладами, - *Язык - соавтор и источник вдохновения (О поэтике Цветаевой)* (Иштван Нодь, Будапешт): как работает интерперсональный язык (язык как бытие-для-другого) в Цветаевском эпистолярном дискурсе, с заключением об онтологизации языка: “язык корнями восходит к бытию” (отметим в этом месте одновременную оригинальность, независимость поисков Нодя, как и его причастность к “школе” Ковача, в чем весьма инспирирующая особенность позиции Нодя в Будапеште); *Повествование, дискурс, субъект* (Арпад Ковач⁴, Будапешт): субъект дискурса - это не рассказчик! Субъект дискурса - субъект, приобретающий язык самоидентификации в процессе: от семиотики к семантике; *Субъект действия и субъект текста в романе “Подросток”* (Геза Хорват, Будапешт): символическое сообщение (дискурс) опережает действительное (сюжет), так мотивы “сила”, “богатство”, “красота” образуют сюжетику; *Некоторые аспекты названий художественных произведений в русской литературе XIX века* (Иван Верч, Триест): текст произведения сводится к его заглавию-названию, операциональная единица - морф, этические импликации русского морфа “-род-”; *Модальные рамки дискурса* (Ежи Фарино, Варшава)⁵: семиотика и семантика дискурса в уровневой схеме на примерах из *Чайки* (реализованная апелляция к более четкому и жесткому пользованию дискурсивной терминологией и дифференциации “семиотика/семантика”).

В сентябре 1997 в Будапеште (Коллегиум им. Йозефа Этвеша) состоялся Второй Международный Коллоквиум Докторантов и Студентов: *Текст, жанр, автор*, продолжающий инициативу Сергея А. Гончарова, проректора по научным вопросам Педагогического университета им. Герцена, - Петербургскую международную конференцию студентов-филологов: *Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат* (С.-Петербург 1996)⁶.

Anna Majmieskułow

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. “Studia Russica” XII. Redigit M.Péter. Adiuvante B.Tatár, Budapest 1988.

² Пушкин и Пастернак. Redigunt: Kovács Árpád/Nagy István (=“Studia Russica Budapestinensia” 1), Budapest 1991.

³ “Studia Russica” XII, op.cit., s.85-86.

⁴ В печати его же: *Курс лекций по теории литературной дискурсивности*, Budapest.

⁵ См. его же: *Где же начинается семантизация? W: Литературоведение XXI века. Анализ текста: метод и результат. Материалы Международной конференции студентов-филологов*, Санкт-Петербург 1996.

⁶ См. рецензию Романа Бобрыка на вышеуказанный сборник конференционных материалов. W: “Slavia Orientalis” 4/1997: 633.